

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КОЛЫМСКИМ СБОРНИКОМ*

В 2006 г. в Магадане издан первый выпуск «Колымского гуманитарного альманаха». Мы не можем не откликнуться на это событие в научной жизни региона. Сборник посвящен светлой памяти А.М. Бирюкова, отдавшего свой литературный и исследовательский талант людям Колымы, Чукотки, Дальнего Востока.

Историки-магаданцы под руководством канд. ист. наук А.И. Широкова сделали важный шаг для объединения творческих сил гуманитариев в решении актуальных исторических задач. Как верно замечено в предисловии, тематика альманаха традиционна для ученых Северо-Востока. Однако эта традиционность сочетается с постановкой новых проблем по колымской истории и новыми подходами к ним.

В структуре сборника отведено место как методологическим и теоретическим вопросам (первый раздел), так и конкретно-историческим (второй раздел). В третьем разделе выделены публикации молодых авторов. В связи с ограниченными рамками рецензии трудно дать развернутую характеристику всем материалам. Но на некоторых остановимся подробнее, особенно на тех, которые содержат дискуссионные моменты.

Альманах открывает работа теоретического плана, задающая общую тональность новому изданию. Это статья А.И. Широкова «Северо-Восток в системе общественных отношений СССР в 30—50-е гг. XX столетия (теоретический и практический аспекты)», в которой исследуются историография и некоторые важнейшие теоретические аспекты колонизации Северо-Востока России. Обращаясь в основном к дореволюционным исследователям, автор дает определение «колонизации», придавая термину точность научной категории. При этом А.И. Широков преодолевает свойственное советской эпохе негативное и мифологизированное отношение к этой дефиниции.

Следует отметить, что возвращение «ошельмованным» в советскую эпоху терминам первоначального научного смысла — важное направление работы современных историков. Среди таких категорий можно назвать «бюрократию», определение которой дал И.А. Голосенко (также на основе обращения к дореволюционным ученым), или «национализм», встречающееся в работах В.С. Малахова и др. Достоинством статьи А.И. Широкова является корректное использование заявленной методологии для анализа исторического материала за длительный исторический период. Его выводы, касающиеся характера и результатов колонизации советского периода, представляются вполне обоснованными.

В то же время автор, на наш взгляд, недооценивает результаты колонизации восточных окраин России в дореволюционный период (с. 17). Прежде всего отметим: освоение Охотско-Камчатского края насчитывает 270 лет, характер его за это время менялся — вначале государство интересовалось только пушниной (и в этих границах достигло значительных успехов), затем считалось, что успешная колонизация — это земледельческая (здесь, естественно, больших успехов

* Колымский гуманитарный альманах. Магадан: Кордис, 2006. 182 с.

быть не могло в силу природно-климатических условий). Но уже с 1880-х годов будущее края было осознано как промышленное, и в этом русле стали предприниматься усилия по его освоению. Нельзя не видеть трудностей этого процесса при характерном для того времени состоянии техники, путей сообщения, численности населения.

Трудно согласиться с А.И. Широковым, что не существовало программы развития региона, в том числе концепций колонизации. Такие концепции разрабатывались как высшей администрацией Восточной Сибири — Н.Н. Муравьевым, М.С. Корсаковым, Д.Г. Анучиным (а затем Приамурским генерал-губернаторством — см. программу А.Н. Корфа, правительственной комиссии Деспот-Зеновича и др.), так и независимыми исследователями (М.И. Венюковым и др.). Уже тогда наметилась та самая закономерность, которую отмечает А.И. Широков для 1930-х годов: если местные администраторы пытались развивать край для нормальной жизнедеятельности людей, уравнивая его с Европейской Россией в экономическом, культурном, правовом отношении, то правительство стремилось экономить на всем и эксплуатировать край в качестве «внутренней колонии».

Мы бы поспорили и с утверждением А.И. Широкова, что в дореволюционный период преобладала частная колонизация, а вклад государства в этот процесс был минимальным. Возможно, это справедливо для Сибири (если не считать «штрафной» колонизации), но для освоения Дальнего Востока правительство делало очень много: освобождение крестьян от налогов, переселение их за счет казны или выдача ссуд, организация Добровольного флота, поиск удобных земель, водворение крестьян, обеспечение их инвентарем, зерном, скотом и т.п., доставка почты и грузов казенным транспортом, создание систем здравоохранения и образования и многое другое. Не следует забывать и о значительной роли Восточно-Сибирской железной дороги, на которую были затрачены огромные государственные средства. Вместе с тем никакие программы и усилия правительства не могли сделать для переселенцев привлекательными места, которые они воспринимали как непригодные для жизни. Заставить их поселиться на Колыме можно было только принудительно, что царское правительство, к его чести, не сделало, и вряд ли его можно в этом упрекнуть.

В целом данный А.И. Широковым историографический анализ подтверждает, что уходит в прошлое строго заданная бинарность понятий «колонизация» и «освоение». Магаданский же историк, «возвращая» категорию «колонизация» в русло научной теории, видит в этом научную перспективу, но отрицает ее в отношении категории «освоение» для изучения региона в XX в. Он предлагает заменить последний термин «освоенная территория» как качественной характеристикой колонизации. Это вполне допустимо, но могут быть и другие варианты.

Следует учитывать, что сегодня большая часть историков отошла от мифологизированного содержания категории «освоение», и употребление этого термина можно встретить в разных публикациях. Сам А.И. Широков справедливо замечает, что «оно уже устойчиво вошло в обиход» (с. 16). Плюрализм подходов при употреблении понятия «освоение» демонстрируют и авторы альманаха, что соответствует современной историографической ситуации. Так, освоение является ключевым в статье А.С. Навасардова и понимается как «единая система столь различных явлений и объектов природно-территориальных и социально-экономических систем, которые составляют отношения между человеком и окружающей средой» (с. 36). В этой содержательной связке применение понятия «освоение» выглядит фундаментальным и логичным. Другой автор альманаха В.Г. Зеляк употребляет «освоение» в контексте организационного процесса и методов, бытовавших на территории Дальстроя. М.С. Бродкин использует его при

оценке знаний россиян об этом регионе и возможностей создания речных коммуникаций на Колыме (с. 103). Организация путей снабжения рассматривается им как форма освоения территории.

Таким образом, в альманахе два подхода в использовании понятия «освоение». Первый — в методологической статье А.И. Широкова, второй — в статьях А.С. Навасардова, В.Г. Зеяка, М.С. Бродкина, для которых «освоение» вполне «рабочая» дефиниция в рамках исторических «сценариев» освоения территории. При этом подчеркивается колониальный характер по отношению к Дальнему Востоку, но с особым содержанием.

Можно продолжить набор аргументов в пользу того, что не стоит спешить отказываться от данного понятия. Все зависит, какое содержание вкладывает тот или иной автор в этот термин и в какой бинарной связке оно употребляется в тексте. Если рассматривать результаты развития дальневосточной территории в 1930—1950-е годы, то сегодня вряд ли кто возьмется утверждать, что здесь была создана развитая социально-бытовая инфраструктура. Ее уровень, как, впрочем, и общий уровень жизни на Северо-Востоке, не просто отставал от Центра или южной части Дальнего Востока. Эпоха Дальстроя сформировала крайнюю форму проявления распределительно-нормированных отношений. Это был особый уклад жизни, а социально-бытовые различия приобрели уродливую форму лагерного технократизма. Здоровье человека рассматривалось государством как форма пригодности к труду, отсюда — и вся модель управления в социальной сфере. Но при этом колониальный «сценарий» освоения базировался на иных принципах, чем в других странах, и социальная сфера развивалась на общих основаниях распределительно-нормированных отношений, бытовавших и в центре, и в регионе.

Наверное, стоит подчеркнуть, что с точки зрения концентрации принудительной миграции и принудительного труда и качества жизни на Колыме — неотъемлемой части экономического и социально-политического советского пространства 1930—50-х годов, — ее вполне можно назвать внутренней колонией. Но говорить то же самое о Северо-Востоке в 1960—1970-е годы мы бы все-таки не стали, учитывая, что в этот период уровень жизни населения региона соответствовал советским ценностям и был сравним с общими стандартами страны.

Небольшое частное замечание: архив, названный в сносках РЦХИДНИ, уже несколько лет носит новое название с аббревиатурой РГАСПИ.

Вторая статья теоретико-методологического раздела «**История промышленного освоения Северо-Востока СССР в 30-е гг. XX в.: антропоэкологический подход к исследованию**», написанная А.С. Навасардовым, делает заявку на разработку нового для магаданских историков направления, которое помогает акцентировать внимание на проблеме **человека** в экстремальных условиях территории Дальстроя. Автор обосновывает возможность применения теории экологии человека или антропоэкологии, разработанной В.П. Алексеевым и рядом других исследователей, к изучению истории освоения Северо-Востока России в 1930-е годы. В основе теории — отношения между человеком и окружающей средой, составляющие целостную биосоциальную систему. Поскольку статья носит постановочный характер, то прежде всего автор раскрывает базовые понятия концепции, объясняет антропоэкологическую модель «человек — среда». В условиях Колымы эта система приобретала специфические экстремальные черты: как природная среда (вызывающая синдром полярного напряжения), так и социальная (сталинские исправительно-трудовые лагеря) являлись причинами перенапряжения адаптационных возможностей мигрантов, прибывающих в Дальстрой.

В качестве субъекта в статье рассматривается только одна, но наиболее массовая социальная группа указанного места и времени — заключенные. Различные

уровни их адаптации (организационный, биоклиматический, социально-психологический, психофизиологический, профессионально-экономический и бытовой) выступали факторами, определявшими поведение лагерных контингентов. Автор считает, что изучение их поможет «выявить грани экологической пластичности человека» в экстраординарных условиях (с. 50), а также наполнить традиционное рассмотрение «социально-экономической действительности человеческим содержанием» (с. 45).

Как попытку конкретного применения данного подхода на базе эмпирического материала можно рассматривать совместную статью **Д.И. Райзмана и А.И. Широкова «Состояние здоровья заключенных в подразделениях Дальстроя в 1950—1955 гг.»** В основу исследования легли архивные материалы, которые еще не нашли должного отражения в публикациях, — это отчеты медицинских отделов Северного, Чаун-Чукотского и Янского ИТЛ. Ежегодные статистические данные позволили авторам проанализировать состояние заключенных по степени трудоспособности, уровень производственного травматизма и заболеваемости.

В результате было выявлено, что количество трудоспособных лагерников к концу периода стало возрастать, а инвалидов — сокращаться. Улучшилось качество медицинского обслуживания и профилактики, и вследствие этого — состояние здоровья заключенных. Все это стало возможным в связи с изменением политической ситуации в СССР после смерти Сталина, созданием на Северо-Востоке обычной для страны системы управления и послаблением лагерного режима. Вместе с тем анализ источников позволил авторам показать одно из пролонгированных воздействий лагерной системы на внелагерное общество: при массовом освобождении заключенные «уносили» свои медицинские проблемы (в частности, заболевание туберкулезом) за пределы колючей проволоки, создавая в обществе дополнительный источник социальной напряженности.

К сожалению, авторы статьи, на наш взгляд, недостаточно вдумчиво отнеслись к некоторым своим формулировкам, противоречащим гуманистическим задачам антропологического подхода и самого альманаха. Трудно не «споткнуться», например, о такой пассаж: «...представляет интерес состояние здоровья заключенных для определения (...) *совершенствования* физических и психических возможностей человека, находящегося в условиях заключения в экстремальных климатических условиях» (с. 120) (выделено нами. — **Авт.**). К слову сказать, задача эта в тексте статьи никак не решается.

Не совсем гуманистическими видятся авторам рецензии и использование в современных исследованиях гуглаговского термина «физический профиль заключенных». К тому же не совсем понятен использованный в статье принцип деления этого «профиля» на три категории. К первой авторы относят трудоспособных, ко второй — трудоспособных с трудоустройством, к третьей — инвалидов. Следует ли понимать, что первая категория была не трудоустроена? Тогда почему она составляла от 60 до 89% среди общего числа заключенных (см. табл. 2 на стр. 121), в то время как Дальстрой постоянно жаловался на нехватку рабочих рук? Кроме того, в гуглаговских документах, как правило, чаще практиковалось другое деление заключенных по состоянию трудоспособности: а) физически крепкие; б) средней физической силы; в) физически ослабленные; г) инвалиды. И, наконец, не может не вызвать вопросов пометка о том, что использованные авторами материалы находятся в личном архиве Д.И. Райзмана (с. 119): как архивные документы попали к нему, где они находились до этого, располагают ли государственные архивы подобными документами, если — да, то какие архивы, номера фондов, описей, дел?

Третья статья, которую мы можем отнести к этому же направлению, «**Самобийства в Магаданской области в 1953—1964 гг.**», написана аспирантом **П.С. Гре-**

бенюком. Как видно из названия, она посвящена одному из показателей психического здоровья общества, которое, в свою очередь, определяется социальной, экономической, политической ситуацией, общим благополучием социума. Выделение данной проблемы в рамках антропоэкологического подхода мы считаем вполне оправданным, учитывая рассмотренные выше особенности северо-восточной территории. В статье автор обращается прежде всего к характеристике источников, справедливо демонстрируя трудности выявления необходимой информации, анализирует динамику численности самоубийств в области, делает попытку выяснить их причины с учетом региональной специфики. Первые результаты его исследования показали, что уровень самоубийств на Колыме отражал патологическую тенденцию: он был на 1/3 выше общесоюзных показателей.

П.С. Гребенюком проделана большая работа по выявлению и обработке массовых первичных документов (делопроизводство ЗАГСов, больниц, партийных органов). В то же время следует отметить, что для заявленного автором междисциплинарного исследования (с. 152) их оказалось недостаточно, так как они отличаются односторонностью и тенденциозностью, целиком исходя от официальных структур. Использование такого рода материалов предполагает их глубокую научную критику, которая позволила бы «держаться дистанцию» по отношению к документам, выходить из-под их «власти», а также избавляться от языковых штампов советского периода, которыми, к сожалению, изобилует статья.

Однако автору статьи не всегда это удается. Примером может служить использование им официального документа 1955 г., где выделены следующие категории самоубийц: члены КПСС, комсомольцы, военнослужащие, жители коренной национальности и женщины (с. 163).

Если бы молодой ученый не следовал слепо за текстом, он бы заметил, что для научного анализа необходима «классификация» с единым основанием, т.е. членам КПСС должны соответствовать беспартийные, женщинам — мужчины, военнослужащим — представители других профессий и т.д. Руководство этим правилом, возможно, помогло бы ему сделать более глубокие выводы, чем тривиальное: «Члены партии были подвержены тем же аномалиям социальной повседневности, что и беспартийное население», а также найти более вескую аргументацию утверждению, что «хрущевская перестройка» влияла на уровень суицидов (с. 164).

Хотелось бы порекомендовать П.С. Гребенюку и более тщательную проработку общей методологии исследования. В начале статьи (с. 152—153) он дает определение и классификацию самоубийств, созданных Дюркгеймом, Хальбваксом и Шнайдемманом, но в дальнейшем эти классификации никак не используются в работе, ни в качестве возможной структуры исследования, ни как методологическая основа, позволяющая сделать определенные выводы. Нам представляется, что для автора более полезными в методологическом отношении могли быть работы с меньшим уровнем генерализации, т.е. исследования региональных, социально-статусных, профессиональных, сезонных и других аспектов самоубийств (например, П. Сорокина).

Отрадно заметить, что авторы альманаха обращаются и к другим, относительно новым для историков Северо-Востока темам, например, к истории организации и системы управления Российской православной церкви на севере Тихоокеанского региона (так у автора. — **Ред.**) России (**Н.Н. Жуков**) и транспортных морских связей Дальнего Востока в XIX в. (**А.Ф. Поздняков**).

Другая группа материалов альманаха отражает результаты исследований по традиционному для магаданских авторов направлению, которое условно можно определить как «экономика Дальстроя и лагерь».

Основному производству Дальстроя посвящена статья **В.Г. Зеляка** «**Особенности развития золотодобывающей промышленности на Северо-Востоке России в 30—50-е гг. XX в.**» Она является плодом многолетней работы автора, одним из центральных аспектов его кандидатской диссертации и монографии, выпущенной в 2004 г. В представленной статье исследователь на базе накопленной научной информации делает обобщающие выводы о развитии золотодобывающей промышленности Дальстроя в соответствии с тремя периодами (довоенным, военным и послевоенным).

Среди особенностей отрасли он выделяет экстенсивность, моноотраслевой перекос, необычные методы золотодобычи, неравномерную отработку россыпных месторождений, отсталые технологии, повышенные транспортные расходы, обременение производства лагерной, вспомогательной и коммунальной системами, нанесение отрасли большого экологического ущерба и др. Кроме этих аспектов В.Г. Зеляк акцентирует внимание на дискуссионном вопросе об экономической эффективности золотодобычи за весь период деятельности Дальстроя. Однако он не дает четкого ответа на этот вопрос, ограничившись лишь анализом точек зрения ряда других авторов (С.М. Мельникова, А.Н. Пясова, Б.И. Мухачева и др.).

Особенности развития некоторых производственных отраслей Дальстроя рассмотрены также в статьях **М.С. Бродкина** (речные пути снабжения в 1941—1945 гг.) и **М.В. Третьякова** (авиация в предвоенный период). Результаты геологических исследований в 1926—1948 гг. прослежены с помощью аннотированного обзора региональной научной и мемуарной литературы (**Г.А. Пустовойт**).

Пенитенциарному сектору Дальстроя посвящена статья **С.А. Шулубиной** «**Особенности организации Севвостлага (1932—1941 гг.)**». В ней раскрывается специфическое организационно-нормативное положение Севвостлага, выражающееся в том, что он не входил в ведение ни ГУЛАГа ОГПУ, ни Главного управления мест заключения, а имел двойное подчинение — тресту «Дальстрой» и полномочному представительству ОГПУ по ДВК. Роль ГУЛАГа по отношению к лагерю сводилась к функции поставщика рабочей силы. Такого рода независимость от основных пенитенциарных структур советского государства того времени, считает автор, была обусловлена удаленностью мест дислокации и чрезвычайной стратегической важностью профильного производства Дальстроя. Исследователь, подробно анализируя управленческую структуру лагеря, выделяет основополагающий принцип его деятельности — максимальное приближение к производству, построение всей лагерной системы по производственному принципу, что отличало его от остальных ИТЛ страны.

Отдавая должное серьезному анализу организации Севвостлага, проведенному С.А. Шулубиной, нельзя не отметить некоторой небрежности, допущенной ею во вступительной части статьи. Вот лишь один пример. На стр. 68—69 она приводит число осужденных в СССР в 1923—1927 гг., равное 4 млн. чел., оценивая его как возрастание (по сравнению с чем?). Далее сравнивает его с численностью заключенных в середине 1927 г. (200 тыс.) и делает вывод: последний показатель не возрос в связи с тем, что «в этот период исправительно-трудовые лагеря не могли обеспечить осужденных достаточным объемом работы». Хотелось бы обратить внимание автора: общее число осужденных за 5 лет (1923—1927 гг.) и одномоментный (середина 1927 г.) показатель количества заключенных сравнивать, по меньшей мере, некорректно. Кроме того, система исправительно-трудовых лагерей была организована только в 1929 г., о чем упоминается и в самой статье двумя абзацами ниже, а места заключения, существовавшие в 1920-е годы, были основаны на несколько других принципах.

Однако, несмотря на высказанные замечания и дискуссионные моменты, мы не можем не подчеркнуть, что в целом альманах демонстрирует уверенное развитие исторических исследований на Северо-Востоке России как неотъемлемой части дальневосточной ветви отечественной науки. Все статьи издания насыщены интересным, зачастую малоизвестным фактическим материалом, отражают оригинальную позицию авторов. Мы поздравляем наших коллег с выходом первого номера альманаха и ждем следующих.

А.С. ВАЦУК, доктор исторических наук

Е.Н. ЧЕРНОЛУЦКАЯ, кандидат исторических наук

Ю.Н. ПОПОВИЧЕВА, кандидат исторических наук